

Персональные мифоритуальные наигрыши в культуре обских угров

Галина Евлампьевна Солдатова

(Институт филологии СО РАН:

Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8)

Аннотация. Статья посвящена персональным мифоритуальным наигрышам — феномену культуры обских угров (хантов и манси). Автором систематизированы нотные записи и аудиоматериалы из опубликованных и неопубликованных источников, в том числе полевых материалов, собранных на обском Севере в экспедициях 1980–2000-х гг. В репертуаре обско-угорских музыкантов есть два блока наигрышей. В первый входят мелодии божеств и духов-покровителей, в том числе медведя. Второй включает разнообразные наигрыши, связанные с людьми и животными: танцевальные (они различают людей по этнолокальному, половозрастному признакам); изображающие трудовые процессы; показывающие повадки и голоса животных; инструментальные «транскрипции» песен; входящие в состав повествований. Большинство инструментальных мелодий звучат во время проведения обряда: медвежьего праздника, шаманского сеанса, жертвоприношения. Персональные мифоритуальные наигрыши посвящены конкретному божеству или духу-покровителю, исполняются только на струнном инструменте и только мужчиной. Локальное распределение таких наигрышей показывает следующее: мелодии божеств, общих для хантов и манси, есть во всех группах обских угров; наделение духов-покровителей собственными мелодиями носит системный характер у манси, причем в сыгвинской и верхнелозьвинской традициях данный феномен выражен особенно ярко. Каждое божество через музыкальную характеристику становится узнаваемым, это достигается благодаря устойчивым мелодико-ритмическим оборотам в структуре наигрышей и общности мелодического фонда персональных наигрышей для разных обрядов. Феномен персональных мифоритуальных наигрышей описан впервые в музыкальном угроведении. Полученные результаты необходимы для проведения компаративных исследований народных музыкальных культур, взаимосвязей музыки и ритуала.

Ключевые слова: ханты, манси, народные музыкальные инструменты, музыка и ритуал, этномузыковедение.

Дата поступления статьи: 19 июля 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

Для цитирования: Солдатова Г.Е. Персональные мифоритуальные наигрыши в культуре обских угров // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 27–38.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.002>

Богатые традиции инструментальной музыки, развитая система религиозно-мифологических представлений, реализованных в культовой практике хантов

и манси, сформировали уникальный институт персональных (именных) мифоритуальных наигрышей. Описанию этого феномена посвящена настоящая статья.

Обские угры в ряду культур коренных народов Сибири выделяются развитым музыкальным инструментарием, включающим цитру (манс. *саңквилтап*, хант. *нарс-юх, наркес-юх, панаң-юх*), арфу (манс. *тарыгсыт-йив*, хант. *тороп-юх, тор-сапль-юх* и др.), лютню (манс. *нэрнэ-йив*, хант. *нин-юх* и др.), варган (*тумран, тумра, томра*) и бубен (*койт, куйт*) [Шейкин 1990; 2002; Сильвет 1991; Мазур, Солдатова 1997; Солдатова 2014 и др.]. Степень сохранности инструментов и навыков исполнительства на них заметно различается в этнологических группах. Разумеется, речь идет не о возрождающемся ныне исполнительстве и не о набирающем темп производстве инструментов, но об аутентичной игре на них, встроенной некогда в традиционный уклад культурной жизни.

Заключение о существовании феномена персональных (именных) мифологических мелодий сделано на основе анализа обширного музыкального материала, значительная часть которого — полевые записи автора в музыкально-этнографических экспедициях 1980–2000-х гг. В исследование вовлечены также данные из опубликованных источников — нотные примеры из статей и сборников наигрышей.

Характеристика материалов. Документирование инструментальных мелодий обских угров связано в первую очередь с собирательской деятельностью финского исследователя А. Каннисто, записавшего музыку вогулов на фонограф в начале XX в. Восемь зафиксированных им инструментальных мелодий вошли в нотную часть работы А. О. Вяйсянена «Вогульские и остяцкие мелодии...» [Вяйсянен 1937]. Пять из восьми образцов названы «мифологическими мелодиями лиры»¹. Лирой финский этномузыковед считал пятиструнный щипковый инструмент, который в более поздних исследованиях классифицирован как цитра [Шейкин 1990; Мазур,

Солдатова 1997 и др.]. Наигрыши записаны А. Каннисто в районе р. Сосьва от «мужчины из деревни Лопмус» (Ein Mann aus dem Dorf Lopmus). По современному административному делению это д. Ломбовоз Бerezовского района ХМАО — Югры. Три мелодии посвящены духам — покровителям территорий: *Я-талях-ойка* 'Старик верховий реки' (№ 143), *Товлың-ойка* 'Крылатый старик', дух селения Межи (№ 144), *Рахт-я-талях-эква* 'Женщина верховий Рахт-я' (№ 148), *Хультэр-эква* 'Женщина Хультэр' (№ 149), одна мелодия — верховному божеству *Мир-суснэ-хум* (№ 145)² [Вяйсянен 1937, 227–229, 232–235]. Последняя обозначена А. Каннисто как «мелодия, с помощью которой За-миром-смотрящий-человек усыпляет войско» (melodie, durch die der Welt beschauende Mann das Heer einschläfert)³. Скопее всего, этот наигрыш представляет собой музыкальный эпизод, вкрапленный в повествование, либо напев мифологической сказки, переданный голосом инструмента. Аналогичный мотив усыпления с помощью музыки присутствует в сказке о боге войны, покровителе сывинских манси, неоднократно записанной в XX в. Главный герой, *Хонт-Торум-ойка*, будучи в плену, усыпил врагов с помощью музыки, а потом передал свой инструмент мыши, которая продолжила играть вместо него, и сбежал [ПМА 1987; 1992; Гиппиус 1988, 169–170, пример 5; 1998, 15].

Аудиозаписи инструментальных мелодий медвежьего праздника осуществил также выдающийся отечественный фольклорист Е. В. Гиппиус, который в 1936 г. работал со студентами-манси в Ленинграде [Гиппиус 1988; 1998]. Среди опубликованных им танцевальных наигрышей (семь — в статье, вышедшей в 1988 г., пять — в 1998 г.) четыре относятся к ритуальным, связанным с образами духов-покровителей: *Лув-нюрум-нэ*, *Пасэт-ойка*, *Полум-Торум*, *Хонт-Торум* [Гиппиус 1988, 168–171]⁴.

¹ В данном издании каждый из упомянутых нотных примеров надписан: Mythologisches Lied (мифологическая песня). В примечаниях на с. 377–378 определение меняется: Mythologische Leiermelodie (мифологическая мелодия лиры). Названия наигрышей приведены на немецком языке, в скобках — на вогульском в финно-угорской транскрипции.

² В № 145 вогульское название *Мир-суснэ-хум* отсутствует.

³ В этнографической литературе встречается неточное наименование божества: «За-миром-смотрящий-человек» вместо «За-народом-смотрящий-человек».

⁴ В источнике названия наигрышей в тексте и в нотных примерах различаются, не везде есть кириллическое написание и точный перевод (Танец духа хозяйки лошади, *Lun úrum ne tan*; Танец старика Пасыта, *Pasýt ajka tan*; *Рольм торъм тан*; *Hon torem tan*, *Jlan oji ltane tan*).

Наигрыши мифологической тематики фиксировались и в более позднее время, примерно с середины 80-х гг. XX в. В коллекциях, собранных в предшествующие десятилетия (1970-е — начало 1980-х гг.) И. А. Богдановым (Бродским), а также Х. Сильветом и другими эстонскими собирателями⁵, встречаются образцы танцевальных наигрышей медвежьего праздника, программных пьес, лирических песен, сыгранных на струнных. Издание хантыйских наигрышей на лире, подготовленное Х. Сильветом, подтверждает указанное. В данном сборнике опубликовано 27 наигрышей, 11 из которых записаны автором в 1985 г., остальные — из фондов радио и Научно-методического центра г. Ханты-Мансийска — собраны в 1970–1982 гг. [Сильвет 1991]. Именных ритуальных наигрышей мифологической тематики, характеризующих образы божеств и духов-покровителей, в этих материалах нет.

Отсутствие персонифицированных мелодий мифологических персонажей обско-угорского пантеона в репертуаре музыкантов, записанном на аудио, по-видимому, связано с закрытостью темы культовой практики для посторонних, с нежеланием носителей фольклора открывать свою духовную жизнь после перенесенных культурой травм — репрессий 1930-х гг. и многих лет антирелигиозной пропаганды.

Большой массив ритуальных, в том числе мифологических наигрышей собран новосибирскими музыковедами в экспедициях конца 1980-х гг., в 1990-е и последующие годы⁶. Записи велись в разных районах Югры, при этом целенаправленно выявлялся жанровый состав и функционирование наигрышей, особое внимание уделялось обрядовой музыке как малоизученной и репрезентативной области народной культуры. В результате полевых исследований стало очевидным, что мелодии медвежьего праздника и других обрядов, включая

связанные с духами-покровителями и божествами обских угров, являются весьма значимой частью репертуара хантыйских и мансийских музыкантов тех лет. Инструментальные мелодии в нотных расшрифтовках Н. М. Вахитовой, Р. Б. Назаренко, О. Э. Добжанской, Г. Е. Солдатовой опубликованы в работе Ю. И. Шейкина [1990]; ради исследовательских задач они представлены в сегментированном виде. Полные нотации в традиционной транскрипции содержатся в сборнике «Мелодии сангквилтапа» [1993] и в ряде статей [Мазур, Солдатов 1997 и др.], вторично они опубликованы в монографии В. И. Шесталова [Шесталов 2013]. Значительная часть коллекции остается неопубликованной.

Систематизация наигрышей. Для того чтобы определить состав репертуара обско-угорских музыкантов и долю в нем ритуальных мелодий (в частности, мифоритуальных персональных наигрышей), все доступные записи были систематизированы с учетом личности исполнителя, места его проживания (региона) и тематики наигрыша. Наигрыши в репертуаре музыкантов-инструменталистов образуют **два крупных блока**. Первый связан с божествами и духами, второй — с людьми и животными, что продиктовано необходимостью коммуникации человека традиционного общества с миром духов и живой природой.

Мифологических персонажей, которые фигурируют в названиях наигрышей **первого блока**, можно разделить на две группы. В первую входят мелодии божеств, почитаемых и хантами, и манси. Среди них предок-прародитель медведь (манс. *Ялпус-ойка*, *Яли-ус-ойка*, *Консың-ойка*, хант. *Ем вож ики*), богиня-мать Калтащ, Пельымский бог (манс. *Полум-Торум*, хант. *Пулум-ики*, *Пулум-Торум*). Посвященные им мелодии встречаются в разных локальных традициях. Наигрыши второй группы — а их подавляющее большинство — это мелодии духов — покровителей рек,

⁵ Записи упомянутых собирателей хранятся в Архиве эстонского фольклора Эстонского литературного музея (до 1990 г. — Литературный музей им. Ф. Крейцвальда). Выборка образцов обско-угорской музыки из каталога архива выполнена О. Э. Добжанской по просьбе автора в 1989 г.

⁶ Материалы хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки, секторе фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН и личных архивах собирателей.

селений, местностей. Например: покровитель селения Межи *Товлюн-ойка* 'Крылатый старик', женский дух селения Хошлог *Суй ур эква* 'Женщина леса-бора', дух-покровитель сыгвинских манси *Нёр-ойка* 'Урал-старик' и др. Более подробное описание мелодий этой группы будет приведено ниже.

Второй блок — наигрыши, связанные с образами людей и животных, — включает несколько разновидностей.

1. Танцевальные мелодии, различающие группы людей по территории проживания, полу, возрасту, этнической принадлежности. Локальная характеристика указывает на конкретную реку или селение, откуда родом танцующие: мужчины с Лозьвы, тапсуйские люди, девушки из селения Теги и т.п. Зафиксированы мелодии таких регионов, как реки Лозьва, Тапсуй, Пелым, Пим, Большая (Северная) Сосьва, Малая Сосьва, Обь, селения Тугияны и Теги. Наигрыш почти всегда маркирует пол и возраст танцующих: мужчины, женщины, девушки. Словесная формула, по которой ему дается название, такова: «Мелодия + танца + мужчин/женщин/девушек + реки/селения/местности». Например: *Ас агит йикв тан* 'Мелодия танца девушек с Оби'.

2. Наигрыши, которые с помощью средств музыкального языка рассказывают о трудовых процессах. Например, «Женщина собирает черемуху», «Женщина выделяет шкуру».

3. Инструментальные пьесы, изображающие голоса и повадки животных. Такие наигрыши преобладают в репертуаре хантыйских музыкантов. У восточных хантов записаны мелодии «Заяц и тетерев» (*нин-юх*), «Песня кулика» (*тор-сапль-юх*), у обских хантов — «Трясогузка летает», «Голос весеннего лебедя», «Казарки летят», «Олененок» (*нарс-юх*). Обские манси показывают, как «Косач токует сидя на сосне» (*нарс-юх*). Танцы-пантомимы, копирующие движения животных, исполняются под аккомпанемент *сауквылтапа* на медвежьем празднике манси: например, «Танец сороки» [Гиппиус 1988, 166].

4. Наигрыши, связанные с сюжетом, изложенным в сказке или песне. Инструментальная музыка звучит до или после повествования, иногда внедряется в него. В этом случае наигрыш становится

частью, эпизодом фольклорного нарратива и соединяется с речью или пением. Пример такой включенности в повествование приведен выше — сказка о *Хонт-Торум-ойке* с музыкальным эпизодом на цитре. Подобные образцы можно отнести к мифоэпической сфере.

Сюда же примыкают наигрыши, связанные с появлением в культуре музыкальных инструментов, например: «Мелодия, вышедшая из *сауквылтапа*», «Первая мелодия *нин-юха*». Известно, что у многих народов (например, тувинцев, осетин, карелов и др.) существуют мифы и легенды о происхождении музыкальных инструментов. Можно предположить, что у обских угров до нас дошли лишь мелодии, некогда включенные в состав такого повествования и сохранившиеся в качестве самостоятельных произведений.

5. Переизложения, своего рода «транскрипции» песенных мелодий на струнном инструменте. Таковы «спетые» голосом арфы и цитры *Пим нэ арэх* 'Песня женщины с Пима', *Худ ведты хо ар* 'Песня рыбаков'.

Таким образом, наигрыш может быть как самостоятельным (танцевальным, песенным — воспроизводящим мелодию песни), так и включенным в вербальный текст в качестве эпизода повествования.

Наигрыши в обряде. Насколько же инструментальная музыка востребована в ритуале? Какие группы наигрышей можно отнести к ритуальным? Мелодии божеств (включая характеризующие медведя) и духов-покровителей являются неотъемлемой частью обрядов. Они звучат как призывание божества и его «представление» на медвежьем празднике и в рамках шаманского сеанса. Подробное описание музыкального наполнения данных ритуалов см. в работах Г.Е. Солдатовой [2014; 2018].

Танцевальные наигрыши тоже обязательно присутствуют в коллективных обрядах, где участвуют разные этнолокальные и социальные группы, нуждающиеся в представлении, в показе себя всем остальным участникам события. По сути, это мелодии-идентификаторы отмеченных групп людей.

Кроме перечисленных выше, существуют ритуальные акциональные наигрыши, исполняемые только в обряде и нигде больше, связанные с определенными

моментами действия. К ним относятся мелодии прихода «масок» (манс. *паса нёл* 'длинный нос', *сас нёл* 'берестяной нос') — актеров в берестяных масках и холщовой одежде, разыгрывающих на медвежьем празднике сценки-представления бытового, юмористического, эротического содержания. На камлании «в темном доме» (манс. *турман кол*, хант. *патдам хот*) — шаманском сеансе в полностью закрытом от света помещении — с помощью особого наигрыша изображается приход духов к шаману. Наш информант сообщил, что музыка передает «*ихний бег, когда они бегут откуда-то, когда их вызывают*» (Зап. от Калистрата Петровича Лончакова, 1939 г.р., с. Саранпауль, Берёзовский р-н, Тюменская обл. Соб. Г.Е. Солдатова. 1999 г.) [ПМА 1999, дневник, 7].

Репертуар хантыйских и мансийских музыкантов показывает не только тесную связь инструментальной музыки с мифологией, но и численное преобладание ритуальных мелодий. Программно-изобразительные наигрыши в большинстве своем не являются обрядовыми, однако могут включаться в несакрализованные моменты обряда, когда действия идут не по жесткой схеме, а в произвольном порядке. Таким образом, практически весь спектр обско-угорской инструментальной музыки может звучать в обрядовой сфере.

Общая характеристика персональных мифоритуальных наигрышей. Среди ритуальных мелодий по числу номинаций, по роли в обряде, по количеству фиксаций лидируют персональные (именные) мифоритуальные наигрыши — мелодии в честь определенной мифологической фигуры (божества, духа-покровителя), опознаваемые и соотносимые участниками обряда именно с этой фигурой. Все ритуальные наигрыши звучат на струнных, и это неслучайно. Использование цитры, арфы или лютни в обряде значимо не только для обских угров, оно имеет множество аналогий в других культурах. Согласно недавним исследованиям, струнный инструмент, генетически произошедший от охотничьего лука, был одним из ранних звуковых атрибутов шамана, предшествуя бубну [Нам 2018]. Участие хордофона типа цитры и лютни в ритуалах замены идолов (нередкое явление в культовой практике манси и хантов)

отмечено у другого финно-угорского этноса — удмуртов. Сведения «об использовании скрипки и гуслей в обряде замены Будды новым, более сильным божеством в связи с утерей первого своей силы» приведены в статье И.В. Пчеловодовой [2015].

Исполнение именных мифоритуальных мелодий — задача сугубо мужская. Это и понятно: ведь посещение святилищ женщинами (за исключением особых женских мест) в обско-угорской культуре запрещено. Именно мужчина является носителем важных, часто табуируемых, ритуальных знаний и соответствующей практики, в том числе музыкальной. Мужчина, играющий на струнном инструменте, — ритуальный специалист, без которого невозможно проведение обрядов (полностью или в сакральной их части). Во время полевой записи музыканта в верхнелозьвинской деревне за ним несколько раз приходил один из местных. Оказалось, староста решил принести жертву — забить оленя по случаю возвращения оленеводов с Урала после летнего выпаса. Без нашего информанта обряд совершиться не мог, ведь коммуникация с духами возможна лишь с помощью посредника, играющего на *сауквылтапе* и знающего нужный для отправления обряда (в данном случае жертвоприношения) репертуар.

В исследуемых материалах выявляются два вида именных наигрышей, что обусловлено их ролью в обрядовой коммуникации. Сначала божество призывают (вызывают) для участия в ритуале, а потом, когда оно «приходит», условно изображают его с помощью костюмированного танца и музыки. Соответственно одна группа мелодий служит для *призывания*, другая — для *представления* духов во время проведения общественного обряда: медвежьего праздника, шаманского камлания, посещения святилища.

Призывная мелодия может быть не только сыграна, но и спета, как песня. О такой ситуации как раз сообщал наш информант. Речь идет о семи духах, живущих в верховьях р. Кемпаж. Сначала поют их призывную песню (*кастил эрыг*). «*После песни на словах “Я вызываю вас!” заходят семь человек*». Затем они «*делают семь кругов под музыку и уходят*» (Зап. от Калистрата Петровича

Лончакова, 1939 г.р., с. Саранпауль, Берёзовский р-н, Тюменская обл. Соб. Г.Е. Солдатова. 1999 г.) [ПМА 1999, дневник, 6].

Когда реальное (физическое) представление духа не совершается, — это случается, например, когда в данной локальной традиции дух не должен «приходить» на обряд (см. об этом: [Ромбандеева 1993, 126–127; Новикова 1995, 97]), — мелодия становится единственным его символом, заменяя визуальный образ.

Ниже дана таблица персональных мифоритуальных мелодий, зафиксированных преимущественно у манси на протяжении XX в. Параллельно приведены также известные автору немногочисленные сведения о хантыйских записях. В названиях наигрышей отражены имена божеств и духов на мансийском (хантыйском) языке и в переводе на русский. Варианты наименований (они могут меняться от записи к записи) даны через косую черту. Двойной косой чертой отделены

единичные случаи фиксации хантыйских мелодий.

При составлении перечня именных наигрышей учтены имеющиеся данные о бытовании мелодий в прошлом. Так, на просьбу исполнить наигрыш *Ас-тальх-отэр* (Богатырь верховий Оби) (одно из фольклорных имен *Мир-суснэ-хума*) музыкант ответил, что не помнит ее, но «старик *играли, трудная мелодия*» (Зап. от Николая Васильевича Анямова, 1929 г.р., д. Тресколье, Ивдельский р-н, Свердловская обл. Соб. Г.Е. Солдатова. 1992 г.) [ПМА 1992, дневник, тетрадь 2, 16]. Это свидетельство подтверждается исторической записью А. Каннисто [Вяйсянен 1937, 229, № 145].

Поскольку музыкантов, от которых записывались именные мелодии духов и божеств, совсем немного (восемь манси и трое хантов), данные о репертуаре каждого приведены в отдельных столбцах и соотнесены с какой-либо локальной традицией (см. примечания к таблице).

Персональные мифоритуальные наигрыши обских угров

Название наигрыша / Вариант названия	сыв. 1	сыв. 2	сыв. 3	ВС	ВЛ 1	ВЛ 2	СС	НС	аган. 1	аган. 2	берёз. 1	берёз. 2	ср.-обск.
<i>Аняң-махум</i> 'Народ Аняң'					+								
<i>Аняң-ойка тан</i> 'Мелодия Аняң-старика'						+							
<i>Ас-тальх-отэр</i> 'Богатырь верховий Оби' // <i>Ас ики арэх</i> 'Мелодия песни о боге рыбы'						(+) ⁷			+				
<i>Вит-ялпың тан</i> 'Мелодия водной святыни'				+		+							
<i>Вор пупыг тан</i> 'Мелодия лесного духа'						+							
<i>Йипыг тан</i> / <i>Йипыг эрыг</i> 'Мелодия филина / Песня Филина' / <i>Йипыг-ойка тан</i> 'Мелодия Филина-старика' // <i>Япы якты пон</i> – Танец совы		+	+	+		+					+		
<i>Калтась-эква тан</i> 'Мелодия женщины-Калтащ' / <i>Сянь-Торум тан</i> 'Мелодия Матери-богини' // <i>Колен-най-аунки</i> 'Богиня жизни' / <i>Кал'тась-анки</i> 'Богиня-мать'				+	+	+			+		+		
<i>Калтась-пыг тан</i> 'Мелодия сына Калтащ'					+								
<i>Консыу-ойк, Ялиус-ойк тан</i> 'Мелодия Когтистого старика, старика из города Яли [=медведя]'			++		+								
<i>Лув-нюрум-нэ кастил</i> 'Призывание Женщины лошадиного луга' / <i>Lun úurum ne tan</i> 'Танец духа хозяйки лошади'			++				+						
<i>Лувң-хум</i> 'Всадник'			++	+	+								
<i>Мань вор хум</i> 'Маленький лесной человек'				+		+							
[<i>Мир-суснэ-хум</i> 'За-народом-смотрящий-человек'] // <i>Вой-орэт-ики</i> 'Зверей орт-старик' (песенная мелодия) / Бог едет на коне	+								+				+
<i>Миснэ тан</i> 'Мелодия миснэ [лесной богини]'				+		+							

⁷ Скобками обозначены наигрыши, не зафиксированные на аудио, при наличии сведений о их бытовании.

Нёр-ойк улилап тан 'Мелодия восхваления Урала-старика'			++																
Нюрум-навыл отыр 'Богатырь деревни Нюрум'									+										
Павлың ойка 'Деревенский старик' (дух д. Вижай)										+									
Пайтың-ойка 'Старик с пайпом' ⁸ / Пайтың-ойка йикв тан 'Мелодия танца старика с пайпом'			+	+															
Пасыт-ойка тан 'Мелодия старика Пасыта'																			+
Пев-Қор-ики 'Божество Пев бык' — хранитель оленьего стада																			+
Полум-Торум-ойка тан 'Мелодия бога Пелыма' / Полум-хум кай сов 'Пелымского мужчины призывный напев'				++	+	+	++	+											
Потыртан пупыг тан 'Мелодия говорящего духа'				++															
Пупыг хайтнэ тан 'Мелодия бега духа'				++															(+) ⁹
Сёхрың-ойка тан 'Мелодия С-ножом-старика'										+	+	+							
Суй-ур-эква тан 'Мелодия Бора-горы женщины'				++															
Танварп-эква улилап тан 'Мелодия восхваления Женщины, выделяющей шкуры'										+									
Товлың-ойка 'Крылатый старик' / Мелодия крылатого старика (товлың-ойка). Дух Межи			+	+															
Тулям-урың-ойка 'С Тулям-холмами старик'																			+
Туя-навыл-хум тан 'Мелодия человека деревни Туя'																			+
Хонт-Торум-ойка 'Бог-войны-старик' / Хонт ойлтым тан 'Мелодия усыпления войска'				+	++	+													+
Хорһунав-товлың-ойка тан 'Хурумпаульский крылатый старик'																			+
Я-талях-махум 'Народ верховий реки'			+		++														
Яныг ворхум 'Большой лесной человек'																			+

Примечания:

сыгв. 1 — манси сыгвинские. Мужчина из д. Лопмус (цитра). Зап. А. Каннисто, 1905 [Вяйсянен 1937].

сыгв. 2 — манси сыгвинские. Сайнахов Г. Н. (сауквылтап, тарыг-сып-йив), д. Шекурья Березовского р-на Тюменской обл. [ПМА 1987; 1991].

сыгв. 3 — манси сыгвинские. Лончаков К. П. (сауквылтап), д. Хошлог Березовского р-на Тюменской обл. [ПМА 1991; 1999].

ВС — манси верхнесосьвинские. Пеликов Н. Т. (сауквылтап), д. Хулимсунт Березовского р-на Тюменской обл. [ПМА 1992].

ВЛ 1 — манси верхнелозьвинские. Пеликов Т. Н. (сауквылтап), д. Тресколье Ивдельского р-на Свердловской обл. [ПМА 1992].

ВЛ 2 — манси верхнелозьвинские. Анямов Н. В. (сауквылтап), д. Тресколье Ивдельского р-на Свердловской обл. [ПМА 1992].

СС — манси среднесосьвинские. Гандыбин Михаил (сауквылтап), с. Сосьва. Зап. Е. В. Гиппиус, 1936 г. [Гиппиус 1988].

НС — манси (вогулы) нижнесосьвинские. Мужчина из д. Люликар (цитра). Зап. А. Каннисто, 1905 г. [Вяйсянен 1937].

аган. 1 — ханты аганские. Тырлин М. С. (нин-юх), п. Аган Нижневартовского р-на ХМАО [ПМА 1993].

аган. 2 — ханты аганские. Кечимов С. Т. (нин-юх), п. Русскинская Сургутского р-на ХМАО. Зап. В. И. Шесталов, год не указан [Шесталов 2013].

берёз. 1 — ханты берёзовские. Выртыпенков П. Н. (нарс-юх), д. Тутлейм Березовского р-на Тюменской обл. Зап. Х. Сильвет, 1985 г. [Сильвет 1991].

берёз. 2 — ханты берёзовские. Гришкин А. Г. (нарс-юх), д. Полноват Белоярского р-на Тюменской обл. Зап. Р. Б. Назаренко, 1987 г. [Шейкин 1990].

ср.-обск. — ханты среднеобские. Юдин В. И. (нарэс-юх), с. Шеркалы Октябрьского р-на Тюменской обл. Зап. Р. Б. Назаренко, Д. С. Сайнахова, Ю. И. Шейкин, 1987 г. [Шейкин 1990].

⁸ Пайт — манс. 'берестяной туес'.

⁹ Название наигрыша в публикации не указано, но по мелодии он сходен с Пупыг хайтнэ тан, записанным у сыгвинских манси [ПМА 1991; 1999], поэтому дан как вариант к указанному образцу.

Локальное распределение персональных мифоритуальных наигрышей показывает, что именные мелодии божеств зафиксированы в большинстве этнолокальных групп обских угров, однако это распределение очень неравномерно. Разумеется, представленные данные весьма неполные, время фиксации и степень охвата традиций заметно разнятся. Тем не менее очевидна тесная связь между значимостью фигуры пантеона и локальным составом репертуара. Бытование наигрышей сразу в нескольких регионах коррелирует с божествами высокого ранга, общими для хантов и манси: *Калтаь-эква* 'Женщина-Калтац' или *Сянь-Торум* 'Богиня-мать', *Мир-суснэ-хум* 'За-народом-смотрящий-человек' (он может предстать в образе всадника *Луву-хум* у манси и божества зверей *Вой-орэт-ики* у хантов), *Полум-Торум* 'бог Пельма'. Достаточно распространенными являются наигрыши, связанные с духом-покровителем д. Хурумпауль — *Йитыг-ойка* 'Филин-старик' и с божеством *Хонт-Торум* 'Бог войны', особо почитаемым сыгвинскими манси. О причинах популярности двух последних судить трудно, не имея достаточных статистических данных.

Преобладание мифоритуальных наигрышей у манси. Наделение мифологических персонажей собственными мелодиями имеет ярко выраженный характер в культуре манси. У хантов зафиксировано лишь несколько мелодий, посвященных божествам (за исключением медведя): Верховный бог (*Нум-Торум*), богиня-мать Калтац (*Калтац-ауки*) — у берёзовских хантов, «Бог едет на коне» (вероятно, *Мир-вантты-хо*) — у среднеобских хантов. У аганских хантов записаны мелодии *нин-юха*: Богиня жизни (*Колен-най-ауки*), Обской старик (*Ас-ики*), Бог зверей и птиц (*Вой-орт-ики*)¹⁰. Все наигрыши сочетаются с пением, составляя с ним единое целое: они либо предшествуют песне, либо следуют за ней. Вышеперечисленные божества, хотя и в локальных наименованиях, являются общими для всех групп обских угров. Из этого следует, что лишь основные фигуры пантеона — *Торум*, *Калтац*, *За-народом-смотрящий-человек* — имеют свои особые инструментальные

наигрыши. На духов территорий, т.е. более глубоко, у хантов персонализация не распространяется. И такая ситуация вряд ли связана с утратой, забвением элементов религиозно-обрядовой практики, скорее она свидетельствует о ее этнокультурной специфичности.

Северохантыйская традиция, где по сей день хорошо сохранился медвежий праздник с песнопениями-историями медведя и духов-покровителей, как и восточнохантыйская традиция с мощным институтом обрядовых песен *данэдатэп*, рассказывающих истории божеств и духов, не имеет системы персональных мифоритуальных наигрышей. Инструментальная музыка в восточнохантыйской культуре еще жива: до недавнего времени можно было услышать игру прекрасного арфиста Т.И. Кечимова. Тем не менее именных наигрышей, о которых идет речь, в хантыйской музыкальной практике нет. Возможно, этот факт говорит о заимствовании хантами института именных мелодий у манси; также это может быть обусловлено особенностями этнической истории каждого из двух обско-угорских этносов, глубинным (и базисным) приоритетом культа медведя и всего, что с ним связано, с неразвитостью культа духов — покровителей территорий [Гемуев, Сагалаев 1986]. Из персональных мифоритуальных мелодий у хантов обнаруживаются те, что связаны непосредственно с духами «жизнеобеспечения»: богиней-жизнеподательницей, духом рыбы, духом зверей, духом — хранителем оленьих стад...

Среди манси по числу записанных именных наигрышей заметно выделяются сыгвинская и верхнелозьвинская традиции. Возможно, причина в том, что инструментальная музыка там лучше сохранилась. По-видимому, в этом проявляется и локальная специфика фольклора данных групп. Кроме того, эти традиции оказались вовремя документированными, потому что там побывали собиратели, когда фольклор был еще в живом бытовании.

Материал таблицы показывает, что практически **каждый персонаж обско-угорского пантеона имеет собственную**

¹⁰ В восточнохантыйской мифологии *Орт-ики* (*Ортик*) отождествляется с За-народом-смотрящим-человеком (*Мир-вантты-ху*).

только ему принадлежащую ритуальную мелодию, с которой связано и с помощью которой обозначено его нахождение в мире людей. Мысль о том, что каждый дух обладает своей мелодией, сыгвинский манси выразил таким образом: «*Какой дух придет, <...> у него отдельный, значит, музыку надо играть*» (Зап. от Калистрата Петровича Лончакова, 1939 г.р., д. Ломбовож, Берёзовский р-н, Тюменская обл. Соб. Г.Е. Солдатова. 1991 г.) [ПМА 1991, аудиозапись]. В мелодическом фонде именных мифоритуальных наигрышей номинально присутствует большинство известных науке божеств и духов обских угров. Ряд мифологических фигур, не представленных в инструментальной форме, имеют ее вокальный аналог [Солдатова 2007]. Можно сказать, что пантеон хантов и манси практически полностью отражается в музыкальном фольклоре и особенно в инструментальных мифоритуальных мелодиях. Некоторые наигрыши, записанные в конце XX в., документированы еще в фонограммах начала столетия и середины 1930-х гг.: *Я-талях-махум* 'Народ верховий реки', *Товлыи-ойка* 'Крылатый старик' записаны А. Каннисто в 1905 г.; *Хонт-Торум-ойка* 'Бог войны', *Лув-нюрум-нэ кастил* 'Призывание женщины лошадиного луга' — Е. В. Гиппиусом в 1936 г. Как видим, состав мифоритуальных мелодий сохраняется на протяжении длительного времени, что подтверждает устойчивость данной традиции.

Общий фонд ритуальных мелодий. Во время посещения святилищ — общетриальных, территориальных, деревенских — обязательно исполнялись персональные наигрыши духов-покровителей, к которым обращались люди. Когда бы и где бы ни приносились жертвы, именные наигрыши звучали непременно. Медвежий праздник тоже не обходился без приглашения и представления божеств и духов, а в лозьвинской традиции он и вовсе строился только на инструментальной музыке, без песен. Думается, фонд мелодий для всех подобных случаев должен быть общим, используемым в разных ритуалах. Потому что не только музыкант обязан запомнить и сыграть множество отличающихся друг от друга мелодий, но самое главное — зрители должны опознать своего духа-покровителя на

слух. Этому в большой степени способствует внутренняя музыкальная организация наигрышей. Персональные мелодии духов состоят из типизированных мелодико-ритмических оборотов, многократно и свободно повторяемых на протяжении композиции. Импровизационные по форме, наигрыши варьируются от музыканта к музыканту, во времени и пространстве, но все же остаются узнаваемыми для знатоков фольклора, что обеспечивает участие мелодий в ритуале как своего рода звукоизобразительных знаков, «музыкальных портретов» духов и божеств, посещающих праздник. Вероятно, такие мелодические фигуры и являются ключевым моментом в узнавании закодированного в музыке персонажа. Опознание того или иного духа на слух по его именной мелодии делает возможным проведение шаманского сеанса в темноте, будит воображение слушателя и тем самым оказывает сильное воздействие на участников обряда. На медвежьем празднике персонификация позволяет представить божества, изображаемые актерами, более ярко, а также маркировать внутренние синтаксические границы ритуала.

Таким образом, дух становится узнаваемым и имеет индивидуальную музыкальную характеристику, своего рода визитную карточку в ритуале. Люди, со своей стороны, имеют своеобразные музыкальные «визитки» — мелодии, маркирующие этнолокальные и социальные группы участников. Мир духов и мир людей вместе присутствуют на обрядах, «представляясь» друг другу с помощью музыки.

Наигрыши из репертуара музыкантов, участвовавших некогда в ритуалах традиционного общества, продолжают жить в игре современных исполнителей. Их можно услышать в музыкальной школе, со сцены Дома культуры, на фестивале народного творчества, а также в рамках реконструированных обрядов. В условиях утраты живого механизма культовой практики наигрыши исполняются как самостоятельные инструментальные пьесы, выполняя функции эстетические, этнопедагогические, этноидентификационные, позволяя молодым хантам и манси гордиться принадлежностью к своему народу и умением играть на музыкальных инструментах предков.

Источники и материалы

Вайсянен 1937 — *Wogulische und Ostjakische Melodien / Phonographisch aufgenommen von A. Kannisto, K. F. Karjalainen; Herausgegeben von A. O. Väisänen. Helsinki, 1937. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol. LXXIII).*

ПМА 1987 — Полевые материалы автора, 1987 г., сентябрь, д. Щекурья, Берёзовский р-н, Тюменская обл. Экспедиция Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки: О. А. Шейкина (рук.), Г. Е. Солдатова, Д. С. Сайнахова.

ПМА 1991 — Полевые материалы автора, 1991 г., июль, д. Ломбовож, Берёзовский р-н, Тюменская обл. Экспедиция Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки: В. И. Смотров, Г. Е. Солдатова.

ПМА 1992 — Полевые материалы автора, 1992 г., август, д. Хулимсунт, Берёзовский р-н, Тюменская обл.; д. Тресколье, Ивдельский р-н, Свердловская обл. Экспедиция Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки: Е. В. Комаров, Г. Е. Солдатова.

ПМА 1993 — Полевые материалы автора, 1993 г., июль, г. Ханты-Мансийск. Экспедиция Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки: Е. В. Комаров, О. В. Мазур, Г. Е. Солдатова.

ПМА 1999 — Полевые материалы автора, июль — август 1999 г., с. Ясунт, Щекурья, Саранпауль, Хошлог, Хурумпауль, Берёзовский р-н, Тюменская обл. Приполярный этнографический отряд Института археологии и этнографии СО РАН: А. В. Бауло, Г. Е. Солдатова.

Исследования

Гемуев, Сагалаев 1986 — *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986.*

Гиппиус 1988 — *Гиппиус Е. В. Ритуальные инструментальные наигрыши медвежьего праздника обских угров // Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка: В 2 ч. / Ред.-сост. И. В. Мацневский. М.: Сов. композитор, 1988. Ч. 2. С. 164–175.*

Гиппиус 1998 — *Гиппиус Е. В. Ритуальные инструментальные наигрыши танцев медвежьего праздника обских угров (манси) как музыкально-исторический источник // Фольклор. Комплексная текстология / Сост. и отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наследие, 1998. С. 6–23.*

Мазур, Солдатова 1997 — *Мазур О. В., Солдатова Г. Е. Обские угры // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Т. 1: Традиционная куль-*

тура народов Сибири. Кн. 1: Традиционная культура коренных народов Сибири. Новосибирск: Б. и., 1997. С. 17–61.

Нам 2015 — *Нам Е. В. Шаманские атрибуты народов Сибири: истоки семантического единства и полифункциональности // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3/2 (87). С. 165–172. URL: http://izvestia.asu.ru/media/files/issue/19/articles/ru/Izvestia_3_2_20.11.2015_p165-172.pdf (дата обращения: 24.05.2020).*

Новикова 1995 — *Новикова Н. И. Традиционные праздники манси. М.: ИЭА РАН, 1995.*

Пчеловодова 2015 — *Пчеловодова И. В. Конструкция удмуртского традиционного струнного инструмента кубыз в терминологическом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 46–51.*

Ромбандеева 1993 — *Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом»: Сев.- Сиб. рег. кн. изд-во, 1993.*

Сильвет 1991 — *Сильвет Х. Инструментальная музыка обских угров. Ч. 1: Хантыйские наигрыши на лире (=Ob-Ugric Instrumental Music. Part 1: Nanti Melodies Played on the Lure). Таллинн: АН Эстонии, 1991.*

Солдатова 1993 — *Мелодии сангквылтапа / Сост., предисл., нотная расшифровка Г. Е. Солдатовой. Новосибирск: Б. и., 1993.*

Солдатова 2007 — *Солдатова Г. Е. О мифологической основе музыкально-фольклорного репертуара манси: материалы к теме (из полевых дневников 1987–1992 гг.) // Памяти И. Н. Гемуева: Сб. науч. ст. и воспоминаний / Отв. ред. А. В. Бауло. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 45–53.*

Солдатова 2014 — *Солдатова Г. Е. Музыкальный фольклор в шаманской практике манси // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2014. № 1 (26). С. 76–82.*

Солдатова 2018 — *Солдатова Г. Е. Интонационные феномены медвежьего праздника манси // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (36). С. 118–127.*

Шейкин 1990 — *Инструментальная музыка Югры. Новосибирск: НГК, 1990.*

Шейкин 2002 — *Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит-ра, 2002.*

Шесталов 2013 — *Шесталов В. И. Музыка и мифология медвежьего праздника обских угров. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2013.*

© Г. Е. Солдатова, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Солдатова Г. Е. <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

Кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН: Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; тел.: +7 (383) 330-14-52; e-mail: ge.soldatova@yandex.ru

Personal Mythic-Ritual Tunes in the Culture of the Ob-Ugrians

Galina E. Soldatova

(Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Science:
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Summary. This article is devoted to personal mythological melodies (*naigryshi*) — a phenomenon of the culture of the Ob-Ugrians (*Khanty and Mansi*). The author systematizes musical notes and audio materials from published and unpublished sources, including field materials collected in the Ob North during the expeditions of the 1980s-2000s. In the repertoire of Ob-Ugrian musicians there are two groups of tunes. The first includes melodies of deities and patron spirits, including the bear. The second includes tunes from a variety of games related to people and animals: dances (which distinguish people by ethno-local, gender and age characteristics); depictions of labor processes; those showing the habits and voices of animals; instrumental “transcriptions” of songs; and tunes included in narratives. Most of the instrumental melodies are played during rituals — the bear festival, shamanic sessions, sacrifices. Personal mythological tunes are dedicated to a specific deity or patron spirit and are performed only on a stringed instrument and only by a man. The tunes are distributed locally in the following ways: the melodies of deities common to the *Khanty and Mansi* are found in all groups of the Ob-Ugrians; the endowment of patron spirits with their own melodies is characteristic of the *Mansi*, and this phenomenon is particularly pronounced in the *Sygvín and Verkhnelozvin* traditions. Each deity becomes recognizable through a musical characteristic. This is achieved via stable melodic-rhythmic turns in the structure of the tunes and a common melodic fund of personal tunes for different rites. For the first time in Ugrian musical studies the article describes the phenomenon of personal mythic-ritual tunes. This is necessary for conducting comparative studies of folk musical cultures and for understanding the interrelationships of music and ritual.

Keywords: the *Khanty*, the *Mansi*, folk musical instruments, music and ritual, ethnomusicology.

Received: July 19, 2020.

Date of publication: March 25, 2021.

For citation: Soldatova G. E. Personal Mythic-Ritual Tunes in the Culture of the Ob-Ugrians. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 27–38. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.002>

References

- Gemuev I. N., Sagalaev A. M.** (1986) *Religiya naroda mansi. Kul'tovye mesta* (XIX — nachalo XX v.) [The Religion of the Mansi. Cult Places (19th — Early 20th Century)]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.
- Gippius E. V.** (1988) *Ritual'nye instrumental'nye naigryshi medvezh'ego prazdnika ob-skikh ugrov* [Ritual Instrumental Tunes of the Ob-Ugrian Bear Festival]. In: *Narodnye muzykal'nye instrumenty i instrumental'naya muzyka* [Folk Music Instruments and Instrumental Music]. Ed. by I. V. Matsievskiy. Part 2. Moscow: Sovetskii kompozitor. Pp. 164–175. In Russian.
- Gippius E. V.** (1998) *Ritual'nye instrumental'nye naigryshi tantsev medvezh'ego prazdnika ob-skikh ugrov (mansi) kak muzykal'no-istoricheskii istochnik* [Ritual Instrumental Tunes of Dances of the Ob-Ugrian (Mansi) Bear Festival as Musical and Historical Source]. In: *Fol'klor. Kompleksnaya tekstologiya* [Folklore: Comprehensive Textology]. Ed. by V. M. Gatsak. Moscow: Nasledie. Pp. 6–23. In Russian.
- Mazur O. V., Soldatova G. E.** (1997) *Obskie ugry* [The Ob-Ugrians]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri. T. 1: Traditsionnaya kul'tura narodov Sibiri. Kn. 1: Traditsionnaya kul'tura korennykh narodov Sibiri* [The Musical Culture of Siberia. Vol. 1: The Traditional Culture of the Peoples of Siberia. Bk. 1: The Traditional Culture of the Indigenous Peoples of Siberia]. Ed. by B. A. Shindin. Novosibirsk. Pp. 17–61. In Russian.
- Nam E. V.** (2015) *Shamanskie atributy narodov Sibiri: istoki semanticheskogo edinstva i polifunktional'nosti* [Shamanic Attributes of the Peoples of Siberia: The Origins of Semantic Unity and Polyfunctionality]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2015. No. 3/2 (87). Pp. 165–172. In Russian. URL: http://izvestia.asu.ru/media/files/issue/19/articles/ru/Izvestia_3_2_20.11.2015_p165-172.pdf (retrieved: 24.05.2020).
- Novikova N. I.** (1995) *Traditsionnye prazdniki mansi* [The Traditional Holidays of the Mansi]. Moscow: IEA RAN. In Russian.
- Pchelovodova I. V.** (2015) *Konstruktsiya udmurtskogo traditsionnogo strunnogo instrumenta kubyz v terminologicheskom aspekte* [The Construction of the Udmurt Traditional String Instrument Kubyz in Terms of Terminology]. *Vest-*

nik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]. 2015. No. 1 (20). Pp. 46–51. In Russian.

Rombandeeva E. I. (1993) *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [The History of the Mansi (Vogul) People and Its Spiritual Culture (According to Folklore and Rituals)]. Surgut: AIIK "Severnii dom": Severno-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo. In Russian.

Sheikin Yu. I. (ed.) (1990) *Instrumental'naya muzyka Yugry* [The Instrumental Music of Ugra]. Novosibirsk: NGK. In Russian.

Sheikin Yu. I. (2002) *Istoriya muzykal'noi kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [The History of the Musical Culture of the Peoples of Siberia: A Comparative Historical Study]. Moscow: Vostochnaya literatura. In Russian.

Shestalov V. I. (2013) *Muzyka i mifologiya medvezhego prazdnika obskikh ugrov* [Music and Mythology of the Bear Festival of the Ob-Ugrians]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry. In Russian.

Silvet H. (1991) *Instrumental'naya muzyka obskikh ugrov. Ch. 1: Khantyiskie naigryshi na lire (Ob-Ugric Instrumental Music. Part 1: Hanti Melodies Played on the Lyre)*. Tallinn: AN Estonii. In Russian and English.

Soldatova G. E. (ed.) (1993) *Melodii sang-kvylytapa* [Sangkvylytap's Melodies]. Novosibirsk. In Russian.

Soldatova G. E. (2007) *O mifologicheskoi osnove muzykal'no-fol'klornogo repertuara mansi: materialy k teme (iz polevykh dnevnikov 1987–1992 gg.)* [About the Mythological Basis of the Folk Music Repertoire of the Mansi: Materials on the Topic (From Field Diaries of 1987–1992)]. In: *Pamyati I. N. Gemueva* [In Memory of I. N. Gemuev]: Col. of schol. articles and memoirs. Ed. by A. V. Baulo. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkhologii i etnografii SO RAN. Pp. 45–53. In Russian.

Soldatova G. E. (2014) *Muzykal'nyi fol'klor v shamanskoi praktike mansi* [Musical Folklore in the Shamanic Practice of the Mansi]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2014. No. 1 (26). Pp. 76–82. In Russian.

Soldatova G. E. (2018) *Intonatsionnye fenomeny medvezhego prazdnika mansi* [Intonational Phenomena of the Bear Festival of the Mansi]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2018. No. 2 (36). Pp. 118–127. In Russian.

© G. E. Soldatova, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Galina E. Soldatova <https://orcid.org/0000-0003-1421-6075>

E-mail: ge.soldatova@yandex.ru

Tel.: +7 (383) 330-14-52

8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

PhD in Arts, Leading Researcher of the Sector of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)